

COVENANT & CONVERSATION

ЭССЕ ОБ ЭТИКЕ

РАББИ ЛОРД ДЖОНАТАН САКС, ЗЕХЕР ЦАДИК ЛИ-ВРАХА

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАПИСАНЫ И ОБНАРОДОВАНЫ В 5775 ГОДУ

Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьен была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Перевод с английского Светланы Силаковой

Воздаяние и месть

« Масеэй »

Почти в самом конце книги Бемидбар мы обнаруживаем закон о городах для убежища: трех городах к востоку от Иордана, а ниже — о еще трех, в пределах самой Страны Израиля. Те, кто совершил убийство, могли бежать в эти города и пребывать там под защитой до того момента, когда их дело рассмотрит суд. Если суд признавал таких людей виновными в убийстве, то в библейские времена их приговаривали к смертной казни. Если суд решал, что они невиновны, поскольку убийство произошло случайно или по неосторожности, а подсудимый действовал без намерения и злого умысла, то эти люди должны были оставаться в городах-убежищах «до смерти первосвященника». Там им обеспечивали защиту от мести со стороны гоэль а-дама — кровного мстителя (обычно то был ближайший родственник убитого).

Для еврейского закона убийство всегда очень серьезно. Но есть коренное различие между убийством умышленным и непредумышленным, произошедшим случайно. Месть за случайную смерть, выраженная в убийстве человека, который в умышленном убийстве не виновен, — это не правосудие, а продолжение кровопролития, и такую месть необходимо предотвратить. Поэтому понадобились убежища, где могли находиться под защитой те, над кем нависла угроза.

Для Торы предотвращение несправедливого насилия — нечто основополагающее. В завете Б-га с Ноахом и человечеством после Потопа убийство названо самым страшным преступлением: «Если кто-то прольет человеческую кровь, то его [собственная] кровь будет пролита [другим] человеком, ибо человек создан как образ Б-жий» (Берешит, 9:6).

Кровь, пролитая несправедливо, вызывает к самому Небу. После того как Каин убил Авеля, Б-г сказал ему: «Голос крови твоего брата вызывает ко Мне с земли» (Берешит, 4:10).

В Бемидбар мы встречаем похожую мысль:

«Не оскверняйте землю, на которой вы [обитаете], — ведь кровь оскверняет землю. Землю нельзя очистить от крови, которая пролита на ней, кроме как кровью того, кто пролил эту [кровь]» (Бемидбар, 35:33).

Глагол «х-п-ф» (в этом стихе он употреблен дважды, причем в книгах Моше он больше нигде не употребляется) значит «осквернять», «пачкать», «грязнить», «марать». В мире, где убийство остается безнаказанным, возникает нечто глубоко загрязненное. Ведь человеческая жизнь священна. Даже оправданное кровопролитие, как в случае войны, пятнает нас нечистотой. Коэн, проливший кровь, больше не благословляет людей¹. Давиду было сказано, что он не может строить Храм, «потому что много крови пролил ты»².

Смерть марает скверной. Вот что стоит за идеей мести. И, хотя Тора отвергает месть, за исключением случаев, когда отомстить велит Б-г³, некоторые признаки этой идеи сохраняются в понятии «гоэль а-дам», которое неправильно переводят как «кровный мститель». В действительности эти слова значат «кровный искупитель» или «кровный выкупающий». Искупитель — тот, кто устраняет дисбаланс в мире, кто спасает кого-то или что-то и возвращает это на надлежащее место. Таким образом Боаз выкупает земельный участок Наоми⁴. Искупитель — тот, кто возвращает свободу родственнику, который был вынужден продать себя в рабство⁵. Б-г совершает акт искупления, избавив Свой народ от египетского рабства. Кровный искупитель тот, кто добивается, чтобы убийство не осталось безнаказанным.

Не все убийства совершаются предумышленно. Некоторые — би-шгага, то есть непреднамеренные, случайные или убийства по неосторожности. Такие проступки влекут за собой изгнание в города-убежища.

Однако в этом законе есть нечто, допускающее двоякое толкование. Как расценивали изгнание в города-убежища — как способ защитить того, кто случайно совершил убийство? Или такое изгнание само по себе было разновидностью кары — каким-никаким наказанием, хоть его и не сравнить со смертной казнью, полагавшейся за предумышленное убийство? Напомним, что изгнание — библейская разновидность наказания. Адама и Хаву после их прегрешения изгнали из рая. Каину после убийства Авеля было сказано, что он станет «скитальцем и странником». Мы говорим в молитвах: «Из-за грехов наших мы были изгнаны из страны своей».

На деле тут присутствуют оба элемента. С одной стороны, в Торе говорится: «Община должна спасти убившего от руки того, кто мстит за кровь: пусть община вернет [убившего] в тот город-убежище, куда он бежал» (Бемидбар, 35:25). Здесь упор сделан на защите. Но, с другой стороны, читаем: если изгнанник «выйдет за пределы города-убежища, в котором он укрылся, и кровный мститель найдет его вне пределов города-убежища — [тогда] кровный мститель предаст убийцу смерти и будет неповинен» (Бемидбар, 35:26–27). Это предполагает наличие элемента вины, иначе кровный искупитель не мог бы быть неповинным в убийстве⁶.

¹ Брахот, 32б; Рамбам, Законы о молитве и благословении священников, 15:3. — *Примеч. авт.* См. русские издания: Вавилонский Талмуд. Трактат Брахот. Т. I. М.: Книжники; Лехаим, 2017. С. 465; Рабби Моше бен Маймон. Мишне Тора (Кодекс Маймонида). Книга «Любовь». М.: Книжники; Лехаим; 2012. С. 248. — *Примеч. перев.*

² Диврей а-ямим, 22:8.

³ Только Б-г, Тот, Кто дает жизнь, может повелеть нам лишить кого-то жизни, причем зачастую только на основании фактов, о которых ведаёт Б-г, но не ведаем мы.

⁴ См.: Рут, гл. 3–4.

⁵ См.: Ваикра, 25, где этот глагол употреблен 19 раз.

⁶ См.: Amnon Bazak. «Cities of refuge and cities of flight» // Torah Mi-Etzion, Devarim, Maggid. Jerusalem, 2012. P. 229–236.

Мы можем уяснить, в чем разница, если посмотрим, как Талмуд и Рамбам объясняют положение закона, обязывающее изгнанника оставаться в городе-убежище до смерти первосвященника. Какое отношение имел первосвященник к случайному убийству? Согласно Талмуду, на первосвященнике «была обязанность просить о милосердии, а он не просил»⁷. Предполагается, если бы первосвященник молился более горячо, Б-г не допустил бы этого несчастного случая. Безот-носительно того, есть ли на ком-то нравственная вина за случившееся, произошло то, чего не должно было произойти, а значит, случившееся нужно искупить: искуплением отчасти служит изгнание невольного виновника, отчасти — смерть первосвященника. Дело в том, что первосвященник искупал грехи народа в целом, а когда умирал, его смерть искупала смерть людей, убитых случайно.

Однако Рамбам в «Путеводителе растерянных» (III:40) дает совершенно иное объяснение. По его мнению, на кон поставлено не искупление, а защита. Люди отправляются в изгнание в город-убежище, чтобы страстная ярость родственника жертвы — кровного искупителя — успела остынуть. В городе-убежище изгнанник остается до смерти первосвященника, так как эта смерть порождает настроение общенародного траура, которое развеивает жажду мести, «явление это естественное: мы находим утешение от своего несчастья, когда такое же или еще более серьезное несчастье обрушивается на другого. Среди нас смерть ни одного человека не вызывает такую сильную скорбь, как смерть первосвященника».

Жажда мести — своего рода первичный инстинкт. Она есть во всех обществах. Она запускала циклические действия по принципу «око за око»: Монтекки против Капулетти в «Ромео и Джульетте», Корлеоне и Татталья в «Крестном отце». Войны между кланами могли приводить к распаду целых обществ⁸.

Тора понимает, что жажда мести — естественное чувство, но обуздывает ее, претворяя в нечто принципиально иное. Тора признает факт душевной боли, утраты и праведного негодования — все то, от чего страдает и что испытывает семья жертвы. В том-то и есть смысл выражения «гоэль а-дам» («кровный искупитель»): эта фигура олицетворяет инстинкт мщения. Тора дает законы не святым, а людям со всеми их страстями. Это реалистичный, а не утопический кодекс.

Однако Тора вводит жизненно важный элемент, который встает между убийцей и семьей жертвы, — принцип правосудия. Никакие прямые акты мести не допустимы. Убийцу нужно взять под защиту до того момента, когда его дело рассмотрит суд. Если его признают виновным, он должен поплатиться за содеянное. Если признают невиновным — ему нужно дать убежище. Этот, один-единственный шаг обращает месть в воздаяние, коренным образом меняет все.

Частенько людям трудно отличить воздаяние от мести, но это разные понятия. Мечь — отношения между «я» и «ты». Ты убил члена моей семьи, поэтому я убью тебя. Она, по существу, несет личный характер. Напротив, воздаяние за содеянное — нечто обезличенное. Это уже не вой-на Монтекки против Капулетти; те и другие оказываются

⁷ Макот, 11а. — *Примеч. авт.* Так в английском переводе, ср. с развернутой цитатой в русском издании: «Была на них, на первосвященниках, обязанность просить Небеса о милосердии для своего поколения, чтобы не было в Стране Израиля убийств — и даже по ошибке; но они не просили». См.: Вавилонский Талмуд. Трактат Макот. М.: Книжники; Лехаим, 2016. С. 140. — *Примеч. перев.*

⁸ См.: Рене Жирар. «Насилие и священное».

перед лицом беспристрастного верховенства закона. Наилучшее определение для того общества, которое стремится создать Тора, — **номократия**⁹: власть законов, а не людей.

Воздаяние — принципиальное неприятие мести. Оно диктует нам, что мы не вольны вершить самосуд. Нельзя, чтобы страсти возобладали над соблюдением процедур, предусмотренных законом, ведь страсти — верный путь к анархии и кровопролитию. За преступления следует карать, но только после того, как факт преступления установлен справедливым судом, причем в интересах общества в целом, а не только в интересах потерпевшего.

Именно этим принципом руководствовался в своей деятельности покойный Симон Визенталь, добиваясь привлечения нацистских военных преступников к судебной ответственности. «Правосудие, а не месть» — так он озаглавил свою автобиографию.

Города-убежища были частью процесса, цель которого — подчинить месть воздаятельному правосудию, а затем сделать так, чтобы правосудие пришло на смену мести.

Это не только древняя история. Почти сразу после падения Берлинской стены и завершения «холодной войны», в 1989 году, в бывшую Югославию пришла беспощадная война на межэтнической почве, вначале в Боснию, затем в Косово. После того она захлестнула Ирак, Сирию и многие другие части света. Майкл Игнатьев в своей книге «Честь воина: этническая война и современное сознание» задается вопросом, как получилось, что эти регионы так быстро скатились в хаос. И вот его вывод: «Основное нравственное препятствие на пути примирения — жажда мести. Вообще-то месть обычно считают низменным и недостойным человека чувством, и в свете такого отношения мало кто понимает, какую огромную нравственную власть она имеет над людьми. Но, если взглянуть на нее в контексте нравственности, месть — это желание сохранить верность умершим, почтить их память, продолжив их дело — подхватив знамя, которое они уронили в час гибели. Мечь — то, благодаря чему сохраняется межпоколенческая верность; порождаемое ею насилие — ритуальная форма уважения к умершим членам сообщества, что придает ей легитимность. Примирение нелегко дается именно потому, что оно должно конкурировать с могучей альтернативной нравственностью насилия. Политический террор живуч, так как представляет собой этическую практику. Это культ мертвых, зловещее и абсолютное выражение почтения к ним»¹⁰.

Было бы безрассудно вести себя так, будто жажды мести не существует. Она реальна. Но если дать ей волю, она заставит общества скатиться к насилию и кровопролитию, которым не будет конца. Единственная альтернатива — направить месть в другое русло, по пути правоприменения и справедливого судебного разбирательства, приводящего либо к наказанию, либо к обеспечению защиты подсудимого. Это и привнес в цивилизацию закон о городах-убежищах, позволив, чтобы воздаяние пришло на смену мести, а правосудие — на смену действиям в отместку.

www.RabbiSacks.org   @RabbiSacks

The Rabbi Sacks Legacy Trust, PO Box 72007, London, NW6 6RW • +44 (0)20 7286 6391 • info@rabbisacks.org

© Rabbi Sacks • All rights reserved

⁹ 40 Номократия — власть закона. Модель государства, где правовая система становится высшей властью — выше, чем законодательное собрание или исполнительная власть. — *Примеч. перев.*

¹⁰ Michael Ignatieff. The Warrior's Honor. New York: Henry Holt, 2000. P. 188.